

амт.

ДЕЛЬВИГЪ.

(Полное собрание сочинений русских авторовъ.
Сочинения Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига. Изданіе Але-
ксандра Смирдина. Спб. 1850.)

Кто на снѣгахъ возрастилъ Феосиритовы вѣжныя розы?

Кто Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ Германецъ?
Вотъ загадка моя....

А. Пушкинъ.

7282

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

В. Забвенов

I.

Нѣсколько словъ о смирдинскомъ изданіи сочиненій Дельвига. — Пропуски и недостатки этого изданія. — Планъ настоящихъ статей.

Въ концѣ 1850 года, дѣятельный и неутомимый г. Смирдинъ, продолжая свое полезное предпріятіе, издалъ томикъ стихотвореній Нелединскаго-Мелецкаго и Дельвига, поэтовъ, пользовавшихся въ свое время большою популярностью, произведенія которыхъ, не забытыя еще и теперь, съ восторгомъ читались и распѣвались во всѣхъ концахъ Россіи, и о которыхъ критика до сихъ поръ вполне не высказала своего мнѣнія. Отрывочныя сужденія о произведеніяхъ этихъ двухъ писателей являлись большею частью или при

жизни ихъ, или были вызваны въ свое время слишкомъ свѣжими воспоминаніями о ихъ тогда еще недавней утратѣ; въ послѣдніе же годы замолкли совершенно. Въ этихъ сужденіяхъ, которыя (особенно сужденія о Дельвигѣ) принадлежали болѣе частью не только самымъ близкимъ современникамъ поэтовъ, но ихъ друзьямъ, сотрудникамъ и врагамъ, всегда болѣе или менѣе пристрастнымъ въ какую нибудь сторону, слышалось или слишкомъ явное снисхожденіе дружбы, или слишкомъ явное недоброжелательство: середины между тѣмъ и другимъ не было, и потому критика до сихъ поръ въ долгу передъ обоими поэтами. Изданіе г. Смирдина даетъ теперь благоприятный поводъ прослѣдить литературную дѣятельность этихъ писателей и опредѣлить ихъ значеніе въ нашей литературѣ. На этотъ разъ избираемъ Дельвига, предоставляя себѣ когда нибудь впоследствии поговорить и о Нелединскомъ-Мелецкомъ.

Уже не разъ было замѣчено, что изданія г. Смирдина, имѣющія прекрасную цѣль — доставить читателямъ дешевый и удобный способъ къ основательному изученію произведеній русскихъ авторовъ, не совсѣмъ достигаютъ этой цѣли, по невыполненію условій, необходимыхъ для всякаго собранія какихъ бы то ни было сочиненій, и особенно необходимыхъ для изданій г. Смирдина, изъ которыхъ многимъ, безъ сомнѣнія, уже не суждено повториться. Отъ подобныхъ изданій читатель вправе ожидать какихъ нибудь конечныхъ результатовъ для исторіи литературы, біографическихъ свѣдѣній о самомъ писателѣ, всегда нелишнихъ нѣкоторой внимательности и объясняющихъ направленіе и характеръ его литературной дѣятельности, критической оцѣнки его произведеній, указанія времени, къ которому каждое изъ нихъ относится, измѣненій, въ нихъ послѣдовавшихъ, сравненія ихъ съ однородными современными имъ произведеніями, и т. д. Необходимость этихъ свѣдѣній, безъ сомнѣнія, чувствуетъ каждый изъ читателей, занимается ли онъ специально русскою литературой, или хочетъ только поверхностно ознакомиться съ нею. Человѣку специально свѣдѣнія эти необходимы потому, что онъ дорожитъ всѣмъ, что касается предмета его занятій: для него важны и біографическія подробности объ авторѣ, и критическая оцѣнка его произведеній, и сводъ различныхъ мнѣній о нихъ, и хронологическія указанія, и варіанты, — вообще все, что касается изучаемаго предмета, и что во всѣхъ странахъ образованнаго міра составляетъ необходимую принадлежность всякаго полнаго собранія сочиненій какого бы то ни было автора. Для человѣка же, который не занимается специально русскою литературой и хочетъ только поверхностно ознакомиться съ избраннымъ авторомъ, употребивъ на это какъ можно менѣе

времени и труда, исчисленные нами свѣдѣнія имѣютъ едва ли еще не болѣе важную важность. Имѣя ихъ подъ рукою, онъ могъ бы гораздо легче достигнуть своей цѣли: ему стоило бы только прочитать оцѣнку сочиненій избраннаго автора и повѣрить ее собственнымъ мнѣніемъ, прочитавъ замѣчательнѣйшія изъ нихъ; но безъ руководства для этого онъ будетъ въ большомъ затрудненіи, какъ приняться за книгу — читать ли ее всю, или только нѣкоторыя отрывки и какіе именно, и, не имѣя достаточно ни времени, ни охоты, ни терпѣнія прочитать все, онъ составитъ себѣ невѣрное понятіе объ авторѣ или не составитъ никакого. Недостатокъ этотъ, почти въ одинаковой степени общій всему смирдинскому изданію, особенно чувствителенъ при чтеніи авторовъ, о которыхъ мало было писано, и свѣдѣнія о которыхъ, по этой же причинѣ, болѣе затруднительны.

Обратимся теперь къ смирдинскому изданію полнаго собранія сочиненій Дельвига и посмотримъ, въ какой степени оно удовлетворяетъ этимъ требованіямъ.

Прежде, чѣмъ приступить къ чтенію ихъ, вы, разумѣется, хотите прочесть предисловіе, въ которомъ надѣетесь найти кое-какія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, оцѣнку его произведеній, и т. п.; вы хотите узнать, на что именно слѣдуетъ обратить вниманіе и что напечатано только для полноты изданія, — но предисловія не оказываются. Но какъ же быть безъ предисловія, какъ обойтись безъ указанія даже когда и при какихъ литературныхъ условіяхъ жилъ авторъ, — указанія, необходимаго для опредѣленія относительнаго достоинства его произведеній? Конечно, всякому образованному русскому было бы странно не знать, хотя приблизительно, когда жилъ Дельвигъ и кто его современники, но не знать этого иностранцу или только что начинающему знакомиться съ русской литературой — совершенно въ порядкѣ вещей.

Не находя предисловія, вы обращаетесь къ самому тексту, въ надеждѣ отыскать подъ каждымъ произведеніемъ указаніе времени, когда оно явилось, и на этихъ указаніяхъ основать свое сужденіе о его относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ. Указанія годовъ важны и потому, что они служатъ основаніемъ къ опредѣленію степени развитія таланта и направленія, въ немъ преобладающаго въ данное время. Но въ изданіяхъ г. Смирдина года почти нигдѣ не выставлены. Изъ стихотвореній Дельвига годъ означенъ только подъ сонетомъ къ русскому флоту (стр. 152 смирд. изд.), написаннымъ въ 1827 году и принадлежащимъ къ весьма немногимъ посмертнымъ произведеніямъ поэта.

Не находя этихъ важныхъ указаній, вы хотите узнать, по крайней мѣрѣ, гдѣ было напечатано то или другое произведеніе, чтобы судить, хотя приблизительно, о времени его появленія, обстоятельствахъ, его сопровождавшихъ, о томъ, сдѣланы ли въ немъ авторомъ, впоследствии, исправленія и перемѣны, и какія именно; во въ изданіи г. Смирдина и этого не оказывается, и потому вы не можете провести параллели между прочитаннымъ вами произведеніемъ и другими, ему современными, вы не можете слѣдить за развитіемъ таланта писателя, вы не можете обозначить времени, когда онъ находился подъ чужимъ вліяніемъ, когда и при какихъ обстоятельствахъ въ немъ явилось стремленіе къ самостоятельности, въ какомъ родѣ литературныхъ произведеній началась его дѣятельность, когда измѣнилось въ ней первоначальное направленіе, и т. п. Между тѣмъ всѣ эти подробности въ настоящемъ случаѣ необходимы, и безъ нихъ изданіе не достигаетъ своей цѣли. Необходимость ихъ была бы менѣе ощутительна въ изданіи сочиненій автора, произведенія котораго не утратили бы до такой степени своей современности, какъ произведенія большей части авторовъ, изданныхъ г. Смирдинымъ, и въ томъ числѣ Дельвига: въ изданіи сочиненій автора, которому мы еще сочувствуемъ въ полной мѣрѣ, указанные пропуски были бы менѣе замѣтны, потому что удовольствіе, которое намъ доставляютъ произведенія автора сами по себѣ, исключало бы всѣ другія случайныя требованія. Но въ изданіи сочиненій, которыя уже перешли для насъ изъ категоріи современныхъ къ произведеніямъ, имѣющимъ значеніе только относительное и любопытнымъ съ историко-литературной точки зрѣнія, всѣ неисчисленныя подробности составляютъ условіе первой важности, потому что безъ нихъ не можетъ разрѣшиться ни одно изъ приведенныхъ выше недоумѣній.

Не находя всѣхъ этихъ указаній въ изданіи г. Смирдина, вы, положимъ, рѣшаетесь сами собрать всѣ напечатанныя и ненапечатанныя свѣдѣнія объ авторѣ, а отъ «Полнаго Собранія» ожидаете только полноты, потому что и одно уже это достоинство можетъ принести огромную пользу. Но, къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи «Полное Собраніе Сочиненій Русскихъ Авторовъ» такъ же неудовлетворительно, какъ и во всѣхъ другихъ. Не указывая въ частности на изданіе сочиненій каждаго автора, потому что это повело бы насъ слишкомъ далеко — притомъ же недостатокъ этотъ уже не разъ былъ замѣчаемъ при разборѣ сочиненій нѣкоторыхъ авторовъ — не можемъ не обратить вниманія читателей на неполноту «Полнаго Собранія Сочиненій Дельвига». Въ этомъ полномъ собраніи пропущены всѣ прозаическія сочиненія Дельвига, которыхъ хотя и не-

много, но которыя важны въ томъ отношеніи, что въ нихъ Дельвигъ является какъ критикъ и рецензентъ. Статьи эти, печатавшіяся въ «Литературной Газетѣ», которую издавалъ Дельвигъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ изданіяхъ, являлись безъ подписи автора, и тѣмъ болѣе требовали бы помѣщенія въ полное изданіе, или, по крайней мѣрѣ, указанія на нихъ, что, по мѣрѣ того, какъ уменьшается число пріятелей и сотрудниковъ Пушкина и Дельвига, разрѣшеніе подобныхъ недоумѣній становится все труднѣе и труднѣе. Отличить и указать эти статьи, являвшіяся безъ подписи автора, еще есть возможность, чему приведены будутъ доказательства ниже. Можетъ быть, ктонибудь скажетъ, что намѣреніе г. Смирдина было издать *только стихотворенія* Дельвига; но въ такомъ случаѣ онъ долженъ былъ бы назвать свое изданіе: «Стихотворенія Дельвига», чтобы не ввести въ заблужденіе читателей, которые, судя по заглавію: «Сочиненія Дельвига», могли бы ожидать сочиненій и въ прозѣ и въ стихахъ, и, не найдя первыхъ, могли бы заключить, и весьма основательно, что Дельвигъ не сочинялъ въ прозѣ, потому что въ полномъ собраніи его сочиненій не оказалось въ прозѣ ничего, кромѣ заглавія.

Читатель надѣется, однакожь, найти въ изданіи сочиненій Дельвига по крайней мѣрѣ полное собраніе его стихотвореній. Но и этому, весьма ограниченному ожиданію не удовлетворяетъ смирдинское изданіе. Въ немъ пропущено болѣе тридцати стихотвореній Дельвига, напечатанныхъ въ разныхъ изданіяхъ; а такъ какъ въ изданіи г. Смирдина напечатано только 78 стихотвореній Дельвига, то значитъ, что въ этомъ полномъ собраніи пропущена почти третья часть его *напечатанныхъ* стихотвореній.

Вотъ списокъ всѣхъ пропущенныхъ въ смирдинскомъ изданіи стихотвореній Дельвига, въ хронологическомъ порядкѣ, съ указаніемъ, гдѣ они были напечатаны:

Въ «Вѣстникѣ Европы» 1814 года:

- 1) *На взятіе Парижа*, часть LXXV, іюнь, № 12, стр. 272.
- 2) *Къ поэту-математику*, ч. LXXVIII, ноябрь, № 21, стр. 24.
- 3) *Старикъ*, ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 98.
- 4) *Эпиграмма* («Поэтъ надутый Клитъ»), ч. LXXVIII, ноябрь, № 22, стр. 101.

Въ «Россійскомъ Музеумѣ или Журналѣ Европейскихъ Новостей», изд. Владиміромъ Измайловымъ, 1815 г.:

- 5) *Къ Темиръ*, ч. I, стр. 266. Стихотвореніе это было перепечатано въ «Благонамѣренномъ», Александра Измайлова, 1818 г., ч. II, стр. 11, съ нѣкоторыми исправленіями.
- 6) *Фіалка и роза*, ч. II, стр. 135.

7) *Къ Т — су* (Таушеву), ч. II, стр. 136.

8) *Къ большому Г**** (Горчакову), ч. II, стр. 267.

Въ «Сынѣ Отечества» 1817 года :

9) *Прощальная пѣснь воспитанниковъ Царскосельскаго Лицея*, № XXVI, стр. 260.

Въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» 1817 г. :

10) *Къ П — ну* (Пушкину) въ альбомѣ, августъ, стр. 228.

Въ «Благонамѣренномъ» :

11) *А. С. Пушкину* (изъ Малороссіи), 1818 г., ч. II, стр. 13.

12) *Къ Илличевскому*, 1818 г., ч. IV, стр. 267.

Въ «Трудахъ Вольнаго Общества Любителей Россійской Словесности» (или «Соревнователь просвѣщенія и благотворенія») :

13) *Утѣшеніе бѣднаго Поэта*, 1819 г., ч. VIII, стр. 96.

14) *Видѣніе*, 1820 г., ч. IX, стр. 314.

15) *Тихая жизнь*, 1820 г., ч. X, стр. 87.

16) *Разговоръ съ геніемъ*, 1820 г., ч. X, стр. 303.

17) *Къ Шульгину*, 1820 г., ч. XII, стр. 207.

18) *Дивирамбъ*, 1820, г., ч. XII, стр. 212.

19) *Эпитафія* («Завидуйте моей судьбѣ»), 1821 г., ч. XIII, стр. 399.

20) *Къ Софіи*, 1824 г., ч. XXVII, стр. 6.

Въ «Невскомъ Зрителѣ» 1820 г. :

21) *Элегія* (къ Яхонтову), ч. I, февраль, стр. 87.

22) *Купидону* (Надпись къ статуѣ), ч. I, февраль, стр. 94.

23) *Къ Т — ой*, ч. I, мартъ, стр. 62.

Въ альманахѣ «Царское Село», изданномъ на 1830 годъ Н. Коннымъ и барономъ Розеномъ :

24) *Пѣсня* («Что ты, пастушка, приуныла?»), стр. 5. Стихотвореніе это было перепечатано въ «Розѣ Грацій, или собраніи стихотвореній для прекраснаго пола» на 1831 г. (Москва), стр. 17.

25) *Застольная пѣсня*, стр. 138.

Въ «Денницѣ», альманахѣ на 1830 годъ, изданномъ М. Максимовичемъ :

26) *Русская пѣсня* («По небу»), стр. 166.

Въ «Литературной Газетѣ», изданной Дельвигомъ и Сомовымъ :

27) *Къ П** (П. А. Плетневу), при посылкѣ стихотвореній, 1830 г., т. II, № 55, стр. 152.

29) *Поэтъ*, 1830 г., т. II, № 48, стр. 92.

29) *Поля*, 1831 г., т. II, № 36, стр. 292.

Въ «Полярной Звѣздѣ», альманахѣ, изданномъ въ Москвѣ, въ 1832 году :

30) *Пѣсня* («Не воркуй, касаточка»), стр. 129.

31) *Беспда*, стр. 146.

Въ принадлежности этихъ двухъ стихотвореній (*Пѣсня и Беспда*) Дельвигу мы имѣемъ нѣкоторыя причины сомнѣваться. Причины нашихъ сомнѣній и самыя стихотворенія будутъ приведены на своемъ мѣстѣ, въ одной изъ слѣдующихъ статей.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г. :

32) *Русская пѣсня* («Я вечеръ въ саду младшенька гуляла»), № I, стр. 1.

Изъ этихъ стихотвореній одно (*Поэтъ*) явилось безъ подписи, два (*На взятіе Парижа* и *Къ П**) — подъ псевдонимами, все же остальные — или съ полною подписью автора, или съ означеніемъ одной или нѣсколькихъ буквъ его фамилии.

Все эти стихотворенія будутъ приведены ниже, каждое на своемъ мѣстѣ, съ объясненіемъ псевдонимовъ, съ доказательствами, почему каждое изъ нихъ принадлежитъ Дельвигу, и вообще съ надлежащими примѣчаніями. Несмотря на то, что большая часть этихъ стихотвореній слаба и во всѣхъ другихъ случаяхъ не стояла бы никакого вниманія, мы не рѣшаемся ни на какіе пропуски, для того, чтобы каждый изъ читателей самъ имѣлъ подъ рукою все факты для опредѣленія литературной дѣятельности поэта.

Понятно, когда самъ авторъ, издавая свои стихотворенія, пропускаетъ тѣ изъ нихъ, которыя, по его мнѣнію, не заслуживаютъ быть перепечатанными: на это онъ можетъ имѣть многія уважительныя причины; но издатель *полнаго* собранія сочиненій дѣлать подобныя пропуски не долженъ. *Полное* изданіе не допускаетъ выбора: въ немъ должно быть напечатано *все*, что написано авторомъ; а судить о степени достоинства того или другого произведенія — дѣло критики и читателей. Впрочемъ, въ настоящемъ случаѣ основаніе пропусковъ — единственно незнаніе издателя, потому что, какъ увидимъ дальше, пропущены нѣкоторыя, весьма, впрочемъ, немногія, изъ лучшихъ стихотвореній Дельвига, и перепечатано *все*, въ томъ числѣ многое и весьма плохое, изъ перваго изданія.

Кромѣ того нашлось нѣсколько стихотвореній Дельвига ненапечатанныхъ, но сохранившихся въ спискахъ или въ памяти друзей поэта и также имѣющихъ право занять мѣсто въ полномъ собраніи его сочиненій. Мы постараемся представить читателямъ нѣкоторыя и изъ ненапечатанныхъ стихотвореній Дельвига.

При разсмотрѣніи смирдинскаго изданія сочиненій Дельвига оказывается, что оно просто перепечатано съ перваго изданія, и

не только слово въ слово, но даже съ тѣми же опечатками (*), съ тѣми же эпиграфомъ изъ стихотворенія Гёте («*der Sanger*») (въ которомъ, однакожь, не обошлось безъ ошибки противъ языка) и даже въ томъ же порядкѣ.

Но, прочитавъ *Эпиграфъ* (стр. 132), вы находите, однакожь, прибавленіе къ прежнему изданію, именно: *Сочиненія Дельвига, напечатанныя послѣ его смерти*, — прибавленіе весьма существенное. Но что же оказывается? Изъ *тринадцати* стихотвореній, помѣщенныхъ въ этомъ прибавленіи, *только пять* были напечатаны дѣйствительно по смерти поэта; *остальные же восемь напечатаны больше чѣмъ за годъ до его кончины!* Этотъ странный промахъ произошелъ потому, что издатель, вѣроятно, не зная опредѣлительно времени кончины Дельвига, и, полагая, что онъ умеръ скоро послѣ изданія своихъ стихотвореній, перепечаталъ изъ «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» на 1830 годъ (изданныхъ Дельвигомъ же!) и выдалъ за посмертныя тѣ стихотворенія, которыя не вошли въ первое изданіе его стихотвореній. Ошибка эта тѣмъ страннѣе, что въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1832 годъ, изданныхъ уже Пушкинымъ, напечатаны пять стихотвореній, найденныхъ въ бумагахъ поэта, и тѣмъ самымъ указано, какія именно изъ произведеній автора можно считать посмертными. Послѣ этого было найдено и напечатано еще нѣсколько стихотвореній Дельвига; но они не попали въ изданіе г. Смирдина. О тѣхъ и другихъ будетъ сказано на своемъ мѣстѣ.

Единственное измѣненіе смирдинскаго изданія противъ перваго изданія стихотвореній Дельвига состоитъ въ томъ, что оглавленіе, которое прежде было составлено систематически, по группамъ однородныхъ стихотвореній, теперь перепечатано безъ всякой системы, съ означеніемъ стихотвореній въ томъ порядкѣ, въ которомъ они напечатаны. Но такую перемену едва ли можно считать улучшеніемъ.

Итакъ, новое изданіе сочиненій Дельвига не удовлетворяетъ даже самымъ умѣреннымъ требованіямъ. Требования эти и степень

(*). Такъ, напр., въ идилліи «Демонъ», на стр. 7, во второй строкѣ, напечатано:

«Взглянулъ я на кудри сѣбья, *взглянулъ* и промовилъ....»

вмѣсто:

«Взглянулъ я на кудри сѣбья, *вздоснулъ* и промовилъ....»

Въ стихотворенія «Луна» (стр. 24), въ пятой строкѣ, напечатано:

«Въ душѣ замутилось, я *лико* *вздохнулъ*....»

вмѣсто:

«Въ душѣ замутилось, я *лико* *вздохнулъ*....»

Опечатки эти были оговорены авторомъ въ концѣ книги, и тѣмъ страннѣе встрѣчать ихъ въ позднѣйшемъ изданіи.

неудовлетворенія имъ были показаны выше. Для бѣльшей же ясности представляемъ общій выводъ сдѣланныхъ нами замѣчаній

Главнѣйшіе недостатки смирдинскаго изданія сочиненій Дельвига: 1) неполнота, 2) отсутствіе системы и 3) измѣненіе фактовъ.

Неполнота изданія состоитъ въ пропускахъ:

- 1) предисловія,
- 2) біографіи,
- 3) всѣхъ прозаическихъ сочиненій,
- 4) многихъ стихотвореній, какъ напечатанныхъ, такъ и ненапечатанныхъ,
- 5) варіантовъ,
- 6) означенія годовъ подъ каждымъ стихотвореніемъ,
- 7) указаній, гдѣ было напечатано каждое стихотвореніе,
- 7) примѣчаній и объясненій,
- 9) сужденій о Дельвигѣ или, по крайней мѣрѣ, указанія всего, что было о немъ написано.

Отсутствіе системы обнаруживается:

- 1) сохраненіемъ того произвольнаго порядка, въ которомъ напечатаны были стихотворенія Дельвига при его жизни, —
- 2) уничтоженіемъ системы въ оглавленіи.

Измѣненіе фактовъ состоитъ:

- 1) въ произвольномъ, хотя и неумышленномъ, уменьшеніи литературной дѣятельности автора, помѣщеніемъ въ полномъ собраніи его сочиненій менѣе половины всего имъ написаннаго и напечатаннаго (считая и прозу), и
- 2) причисленіемъ къ посмертнымъ стихотвореніямъ осьми такихъ, которыя были напечатаны слишкомъ за годъ до смерти поэта.

Читатель имѣлъ бы полное право обвинить пишущаго эти строки въ излишней требовательности и строгости, еслибъ не было возможности избѣгнуть указанныхъ недостатковъ и еслибъ авторъ этой статьи ограничился только ихъ указаніемъ. Дѣйствительно, указать ошибки, не сдѣлавъ ничего къ ихъ исправленію, есть только первый шагъ къ цѣли, и критика, конечно, не должна останавливаться на этомъ шагѣ. Напротивъ, указавъ недостатки, она должна указать и средства къ ихъ исправленію или даже исправить ихъ; замѣтивъ неполноту и пропуски, пополнить, на сколько возможно, всѣ пробѣлы, и, собравъ на-лицо всѣ факты, опредѣлить, на основаніи ихъ, литературное значеніе автора. Это мы и постараемся сдѣлать въ отношеніи къ изданію сочиненій Дельвига.

Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ критическому разбору его произведеній, мы сообщимъ объ авторѣ тѣ немногія біографическія

свѣдѣнія, которыя намъ удалось собрать, а потомъ уже займемся обзорѣмъ его литературной дѣятельности, раздѣливъ это обзорѣніе по группамъ однородныхъ произведеній въ слѣдующемъ порядкѣ: сначала рассмотримъ лирическія подражанія древнимъ, потомъ идилліи, элегіи, пѣсни, романсы, сонеты, прозаическія сочиненія, переводы стихотвореній Дельвига на иностранныя языки, и наконецъ представимъ хронологическій перечень *всѣхъ* его произведеній, съ указаніемъ, гдѣ они были напечатаны.

Такая программа, по необходимости, сдѣлаетъ нашъ этюдъ слишкомъ длиннымъ для одной книжки журнала и, главное, для терпѣнія нашихъ читателей. Это заставляетъ насъ раздѣлить его на нѣсколько статей, которыя, однакожь, всѣ лягутъ въ теченіе этого года.

II.

Бѣдность біографическихъ свѣдѣній о Дельвигѣ. — Его происхожденіе и рожденіе. — Первоначальное воспитаніе. — Открытіе Царскосельскаго Лицея. — Вступленіе въ Лицей. — Предметы и способъ преподаванія. — Способности и характеръ Дельвига. — Его лицейская жизнь. — Первые стихотворные опыты. — Литературное общество въ Лицеѣ. — Дружба съ Пушкинымъ. — Ихъ вліяніе другъ на друга. — Выпускъ изъ Лицея. — Актъ. — Прощальная пѣснь.

Большой части русскихъ читателей извѣстно по наслышкѣ, а нѣкоторымъ изъ нихъ, можетъ быть, и по опыту, до какой степени трудно получить обстоятельныя біографическія свѣдѣнія о какомъ бы то ни было лицѣ. Трудность эта еще болѣе ощутительна, когда жизнь извѣстнаго лица незамѣчательна внѣшними явленіями, всегда болѣе замѣтными и памятливыми для простыхъ наблюдателей; а жизнь литератора вообще, какъ жизнь преимущественно умышленная, кабинетная, обыкновенно бываетъ бѣдна происшествіями, западающими въ память людей постороннихъ. Жизнь Дельвига принадлежитъ къ этой категоріи. Самымъ лучшимъ и почти единственнымъ біографическимъ матеріаломъ въ подобныхъ случаяхъ могутъ служить записки самого автора, его переписка, сочиненія, замѣтки людей, ему близкихъ, и т. п.; но и этими данными можно воспользоваться не всегда или, по крайней мѣрѣ, не въ желаемой степени. Хорошо еще, если авторъ имѣлъ обыкновеніе, хотя изрѣдка, записывать свои впечатлѣнія, если велъ значительную переписку и если все это сохранилось для потомства: въ такомъ случаѣ всѣ эти данныя послужили бы важнымъ пособіемъ для біографа. Но Дельвигъ не велъ никакихъ записокъ: онъ былъ слишкомъ беззаботенъ и лѣнивъ для этого, и, по той же причинѣ, рѣдко писалъ

къ своимъ пріятелямъ. Въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность Пушкину, несмотря на одинаковость воспитанія, направленія, образа мыслей и вообще внѣшнихъ условій умственного развитія обѣихъ личностей: Пушкинъ постоянно записывалъ все, что думалъ, чувствовалъ, видѣлъ и слышалъ. Записывать свои впечатлѣнія было потребностью великаго поэта, и его записки представляютъ богатый матеріалъ для исторіи современной литературы и общества. Въ нихъ нѣтъ ни системы, ни связи, потому что поэтъ не смотрѣлъ на свои замѣтки какъ на что-то обязательное, за которое принимался каждый день неохотно, какъ за давно прискучившую обязанность; въ нихъ все отрывочно, все написано подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, — но эта-то непринужденность и свѣжесть впечатлѣній составляютъ ихъ величайшее достоинство. Дельвигъ не записывалъ ничего. Несмотря на свою впечатлительность, онъ не чувствовалъ такой постоянной потребности высказываться, или, по крайней мѣрѣ, потребность эта въ немъ была пересиливаема лѣнностью и вообще флегматичностью его натуры. Онъ былъ восприимчивъ ко всякаго рода впечатлѣніямъ, но лѣнивъ на передачу ихъ, и только огненная натура Пушкина могла вызывать его къ дѣятельности. Даже на переписку съ пріятелями Дельвигъ былъ лѣнивъ до чрезвычайности и ограничивался въ этихъ случаяхъ только крайнею необходимостью: онъ не любилъ вообще процесса писанія, и процессъ этотъ нелегко давался нашему поэту, который писалъ съ видимымъ усиленіемъ, нечетко и въ высшей степени неразборчиво. Писемъ его осталось весьма немного, и тѣ, по крайней мѣрѣ извѣстныя намъ, ни въ какомъ отношеніи не замѣчательны. Изъ бумагъ, оставшихся по смерти поэта, напечатано только нѣсколько (отъ семи до девяти) стихотвореній, а остальное (по крайней мѣрѣ большая часть, и что именно — неизвѣстно) пропало (*). Весьма важнымъ пособіемъ для біографа могли бы служить письма, писанныя къ Дельвигу, и преимущественно письма Пушкина и Баратынскаго, съ которыми нашъ поэтъ постоянно былъ въ самой тѣсной дружбѣ. Но, по смерти Дель-

(*) По смерти Дельвига, многія бумаги его: письма, стихотворенія, въ томъ числѣ и неизданныя, остались у его пріятеля и сослуживца по Публичной Библиотецѣ, извѣстнаго лексикографа Эртеля, который умеръ въ 1846 г. Вдова Эртеля, желая издать труды своего мужа и хранящіяся у него сочиненія Дельвига, поручила привести въ порядокъ эти бумаги родственнику своему инженеръ-капитану Гаусманну, находившемуся тогда на службѣ въ Финляндіи. Г. Гаусманнъ, отправляясь изъ Петербурга, по окончаніи отпуска, къ мѣсту своего служенія, взялъ эти бумаги съ собою для приведенія ихъ въ порядокъ. При проѣздѣ ночью черезъ сломанный лахтинскій мостъ, связка съ бумагами, отъ сильнаго толчка, была выброшена изъ экипажа и попала, вѣроятно, въ воду, потому что, несмотря на тщательные поиски тогда же и на другой день, не было найдено ни одного листка. Свѣдѣніе это сообщено автору вдовой Эртеля и г. Гаусманномъ.

вига въ 1831 году, оба поэта, разбирая бумаги покойнаго и не желая, чтобы переписка ихъ попала въ недостойныя руки, уничтожили (говорить) свои письма (*), и такимъ образомъ русская литература лишилась, можетъ быть, образцовыхъ и, во всякомъ случаѣ, весьма замѣчательныхъ произведеній. Автору этой статьи посчастливилось, однакожь, найти нѣсколько неизданныхъ писемъ Пушкина къ Дельвигу, которыя, въ числѣ другихъ фактовъ, могутъ служить къ объясненію ихъ взаимныхъ отношеній, и потому нѣкоторыя изъ нихъ будутъ напечатаны на своемъ мѣстѣ. Еще болѣе важную потерю, и какъ матеріалъ для предмета нашей статьи, и вообще какъ достояніе русской литературы, составляетъ автобіографія Пушкина, начатая въ 1821 году и веденная нѣсколько лѣтъ сряду. Великій поэтъ, приступая (уже гораздо позже) къ описанію своей родословной, которая, безъ сомнѣнія, была началомъ новой автобіографіи, сожалѣетъ о потерѣ своихъ записокъ, потому что онъ «въ нихъ говорилъ о людяхъ, которые послѣ сдѣлались историческими лицами, съ откровенностію дружбы или короткаго знакомства» (**). Нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ этихъ людей былъ и Дельвигъ, съ которымъ великій поэтъ былъ друженъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста.

Итакъ, всѣ неизданные матеріалы для біографіи Дельвига, то есть: бумаги, оставшіяся послѣ его смерти, его переписка и записки Пушкина, — все это пропало невозвратно, и нишучему эти строки осталось искать матеріаловъ для своей статьи или въ памяти друзей и родныхъ поэта, или въ напечатанныхъ въ разное время краткихъ и отрывочныхъ свѣдѣніяхъ о его жизни.

Но воспоминанія людей, даже близко знавшихъ поэта, ограничиваются весьма немногими и неважными случаями, рассказами о его характерѣ и образѣ жизни и анекдотами, изъ которыхъ большая часть совѣтъ не для печати.

Свѣдѣній о Дельвигѣ напечатанныхъ также оказалось немного. По какому-то странному случаю, о немъ даже не упомянуто не только въ «Опытѣ Исторіи Русской Литературы» г. Греча, въ которомъ, однакожь, есть краткія біографическія свѣдѣнія о Пушкинѣ и нѣкоторыхъ другихъ современникахъ Дельвига, но даже въ «Энциклопедическомъ Лексиконѣ» (въ которомъ буква *Д* помѣщена) и въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли» Бантышъ-Каменскаго. Изъ немногихъ

(*) Это свѣдѣніе, весьма впрочемъ сомнительное, сообщено, чрезъ посредство барона А. И. Дельвига, вдовою поэта Софьей Михайловной, которая теперь въ замужествѣ за С. А. Баратынскимъ, братомъ покойнаго поэта.

(**) Сочиненія А. Пушкина, т. XI, «Отрывки изъ записокъ А. С. Пушкина», стр. 193.

напечатанныхъ біографическихъ извѣстій о Дельвигѣ самыя замѣчательныя во всѣхъ отношеніяхъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Пушкина. Въ нихъ находимъ мы коротенькую біографію поэта (1), написанную, вѣроятно, скоро послѣ его смерти, нѣсколько отрывочныхъ, но въ высшей степени интересныхъ замѣтокъ о немъ (2) и весьма частыя обращенія къ нему, по разнымъ случаямъ, въ стихотвореніяхъ. Вообще въ собраніи сочиненій Пушкина (изд. 1838 г.) о Дельвигѣ упоминается въ двадцати мѣстахъ (3). Кромѣ того о немъ говорится въ одномъ стихотвореніи Пушкина, непомѣщенномъ въ собраніи его сочиненій («Посланіе къ Г...у») (Галичу) и явившемся безъ имени поэта (4), и найдено еще неизданное посланіе Пушкина къ Дельвигу. Вообще большая часть всего, что только извѣстно о Дельвигѣ, передано Пушкинымъ, и замѣтки великаго поэта о своемъ другѣ, даже только обращенія къ нему въ стихотвореніяхъ, составляютъ важнѣйшій и почти единственный матеріалъ для его біографіи. Кромѣ этого источника нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Дельвигѣ находимъ въ статьѣ П. А. Плетнева, напечатанной черезъ нѣсколько дней по смерти поэта, въ «Литературной Газетѣ» (5), и двухъ незначительныхъ рассказахъ о немъ, въ «Русскомъ Альманахѣ» на 1832 и 1833 годы, изданномъ Эртелемъ и Глѣбовымъ (6).

При такой бѣдности матеріаловъ и при совершенной невозможности получить полныя и обстоятельныя свѣдѣнія о жизни поэта, какъ это уже сказано выше, предлагаемая біографія, по необходимости, не можетъ явиться полною въ желаемой степени: въ ней неизбежно отразится скудность фактовъ и неизбежно встрѣтятся нѣсколько пробѣловъ.

(1) Сочиненія А. Пушкина. Т. XI, стр. 57.

(2) Сочиненія А. Пушкина Т. XI. Англоты, стр. 173, 176 и 177.

(3) Именю: Т. I, стр. 154, Т. III, стр. 49, 96, 127, 154 и 157, Т. IV, стр. 249, т. IX, стр. 131, 158, 218, 338, 349, 352, 357 и 457, и т. XI, стр. 57, 173, 176, 232 и 233.

(4) «Россійскій Музеумъ, или Журналъ Европейскихъ Новостей», изд. Владимиромъ Измайловымъ. Москва. 1815 г. Ч. IV, стр. 3. Подъ этимъ стихотвореніемъ подписано: 1... 16—14, т. е. А. П. — н. Предположеніе, что это стихотвореніе принадлежитъ Пушкину, вполне подтверждается еще тѣмъ, что въ рукописной тетради напечатанныхъ лицейскихъ стихотвореній, принадлежавшей одному изъ его товарищей, въ числѣ стихотвореній Пушкина показано и это, съ указаніемъ, что оно напечатано въ «Россійскомъ Музеумѣ».

(5) «Литературная Газета» 1831 г. Т. III, № 4, стр. 3. Этотъ номеръ газеты, въ которомъ напечатана была эта «Некрологія», начинался статьею (*Женщина*), подъ которою въ первый разъ явилась подпись: *Н. Гоголь*.

(6) *Russischer Almanach für 1832 und 1833*, von W. Oertel und A. Glielov. St. Petersburg. 1832. Стр. 418—438 и 441.

Теперь, указавъ на недостатокъ данныхъ, не столько съ цѣлю самооправданія за будущіе неизбежные пропуски, какъ сколько на фактъ важный для предмета статьи, приступаемъ къ біографіи поэта.

Баронъ Антонъ Антоновичъ Дельвигъ родился въ Москвѣ, 6 августа 1798 года (*). Онъ происходилъ изъ древней фамиліи бароновъ въ Лифляндіи, гдѣ и теперь встрѣчается довольно много его однофамильцевъ. Единственное печатное указаніе родословной нашего поэта встрѣчаемъ у Пушкина, въ стихотвореніи «Черепъ», въ которомъ поэтъ рассказываетъ своему другу о судьбѣ бранныхъ останковъ его дѣда (**). Поэзія менѣе всего имѣетъ примѣненія къ генеалогіи, и хотя мы не намѣрены объяснять родословную Дельвига на основаніи посланія къ нему Пушкина, но для тѣхъ, которые хотѣли бы возобновить въ памяти портретъ одного изъ его предковъ, приводимъ это посланіе вполнѣ (тѣмъ болѣе, что въ немъ говорится и о нашемъ поэтѣ); но не ручаемся за сходство портрета, вполнѣ довольствуясь мастерскою бойкостью его отдѣлки:

«Прими сей черепъ, Д* : онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.

Тебѣ повѣдаю, баронъ,
Его готическую славу.

Почтенный черепъ сей не разъ

Парами Вахха нагрѣвался;

Литовскій мечъ въ недобрый часъ

(*) Сообщено двоюроднымъ братомъ поэта, полковникомъ барономъ А. И. Дельвигомъ, благосклонности котораго авторъ предлагаемой статьи обязавъ многими указаніями. Время рожденія Дельвига также показано и въ статьѣ Н. А. Плетнева (Литературная Газета 1831 г., № 4, стр. 31); въ статьѣ же Пушкина (Сочиненія Пушкина. т. XI, стр. 57) показанъ только годъ, а мѣсяцъ и число не выставлены.

(**) Сочиненія Пушкина, т. III, стр. 157. Стихотвореніе это впервые было напечатано въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1828 годъ, стр. 100, подъ заглавіемъ: «Черепъ. Посланіе къ Д.» (безъ сомнѣнія, къ Дельвигу.) Оно подписано было буквою Я., и потому многие принимали его за стихотвореніе Языкова. Пушкинъ подписалъ его буквою Я, говоря, что всѣ узнаютъ, что это — я, и не ошибался, потому что стихъ его не могъ быть не узнанъ. Въ это время Пушкинъ жилъ въ селѣ Михайловскомъ и дѣятельно работалъ. Стихотвореніе «Черепъ» можетъ служить примѣромъ строгости поэта къ самому себѣ: великій художникъ не допускалъ поспѣшности и неоконченности въ своихъ произведеніяхъ, и стихотвореніе это, начатое еще въ июль (а можетъ быть и раньше), было кончено только въ октябрѣ. Въ письмѣ отъ 31 июля 1827 г. (неизданномъ), Пушкинъ, посылая къ Дельвигу для «Сѣверныхъ Цвѣтовъ» злетію «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», пишетъ къ нему, между прочимъ, слѣдующее: «Если кончу посланіе къ тебѣ о черепѣ твоего дѣда, то мы и его писемъ.» Слѣдовательно, стихотвореніе это было тогда уже начато, и поэтъ не былъ увѣренъ, что онъ скоро его кончитъ. Незданное письмо Пушкина, изъ котораго здѣсь приведена выписка, будетъ напечатано ниже.

Прим. авт.

По немъ со звономъ ударялся;
Сквозь эту кость не проходилъ
Лучъ животворный Аполлона;
Ну, словомъ, черепъ сей хранилъ
Тяжеловѣсный мозгъ барона,
Барона Д*. Баронъ
Конечно былъ охотникъ славный,
Наѣздникъ, чаши другъ исправный,
Гроза вассаловъ и ихъ женъ.
Мой другъ, таковъ былъ вѣкъ суровый;
И предокъ твой крѣпкоголовый
Смутился бѣ рыцарской душой,
Когда бѣ тебя передъ собой
Увидѣлъ безъ одежды бранной,
Съ главою, миртами вѣнчанной,
Въ очкахъ (*) и съ лирой золотой.

Покойникомъ въ церковной книгѣ
Ужь былъ давно записанъ онъ,
И съ предками своими въ Ригѣ
Вкушалъ непробудимый сонъ.
Баронъ въ обители печальной
Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
Пастора лестью погребальной,
Гербомъ гробницы феодальной
И эпитафией плохой.
Но въ наши безпокойны годы
Покойникамъ покою нѣтъ.
Косматый баловень природы,
И математикъ, и поэтъ,
Буянъ задумчивый и важный,
Хирургъ, юристъ, физиологъ,
Идеологъ и филологъ,
Короче вамъ — студентъ присяжный,
Съ витою трубкою въ зубахъ,
Въ плащѣ, съ дубиной и въ усахъ
Явился въ Ригѣ. Тамъ спѣсиво
Въ трактирахъ сталъ онъ пѣнить пиво,
Въ дыму табачныхъ облаковъ;
Бродить надъ берегами моря,

(*) Дельвигъ былъ очень близорукъ и носилъ очки съ юношескаго возраста. На портретѣ Дельвига, писанномъ еще въ Лицѣ (акварель) и находящемся у бывшаго директора Лицея, Е. А. Энгельгарта, нашъ поэтъ изображенъ въ очкахъ и въ лицейскомъ сюртукѣ. На другихъ портретахъ, изъ которыхъ самый похожій — приложенный къ альманаху «Царское Село», Дельвигъ также изображенъ въ очкахъ.

Прим. авт.

Мечтать объ Лотхенъ, или съ горя
 Стихи писать, да бить Жидовъ.
 Студентъ подъ лѣстницей трактира
 Въ коморкѣ темной жилъ одинъ.
 Тамъ, въ видѣ зеркаль и картинъ,
 Короткій плащъ, картузь, рапира
 Висѣли на стѣнѣ рядкомъ.
 Подуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихте и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона,
 Подъ паутиною въ углу
 Лежали грудой на полу, —
 Предметъ занятій разнородныхъ
 Ученаго, да крысъ голодныхъ.
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почтенный мыслитель не ищетъ;
 Смѣясь надъ глухой суетой,
 Въ чуланѣ онъ безвѣчно свищетъ:
 Умѣренность, вѣщаль мудрецъ,
 Сердечъ высокихъ отпечатокъ.
 Студентъ, однакожь, наконецъ
 Замѣтилъ важный недостатокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ.... скелетъ,
 Предметъ философамъ любезный,
 Предметъ пріятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова нѣтъ.
 Но гдѣ достанетъ онъ скелетъ?
 Вотъ онъ однажды въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И, тотчасъ взявъ въ соображенье,
 Его характеръ и служенье,
 Рѣшился подружиться съ нимъ.
 За кружкой пива, мой мечтатель (*)
 Открылся кистеру душой,
 И говорить: нельзя ль, пріятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный,
 И, между тѣмъ, одинъ скелетъ
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ Айдесскимъ богомъ:

(*) Въ изданіи сочиненій Пушкина, извѣстномъ всевозможными несправно-
 стями, эта строчка напечатана съ ошибкою: вмѣсто слова *мечтатель*, постав-
 лено *герой*, отчего одно слово вовсе осталось безъ рѣшмы, а на другое ихъ
 пришлось три.

Прим. авт.

Онъ будетъ дружбы мнѣ залогомъ,
 И до моихъ послѣднихъ дней
 Красой обители моей.
 Смутился кистеръ изумленный.
 «Что за желанье? что за страсть?
 Итти въ подвалъ уединенный,
 Встревожить мертвыхъ сонмъ (*) почтенный,
 И одного изъ нихъ украсть!
 И кто же?... Онъ, гробовъ хранитель!
 Что скажутъ мертвые потомъ?»
 Но пиво, страха усыпитель,
 И гнѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ немъ.
 Ну, такъ и быть! Даетъ онъ слово,
 Что къ ночи будетъ все готово,
 И другу назначаетъ часъ.
 Они разстались.

День угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоить герой нашъ знаменитый
 У галереи гробовой,
 И съ нимъ преступный кистеръ мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И вотъ визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь —
 И сходятъ витязи теперь
 Во мракъ подвала величавый.
 Сіянемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ, — и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покоѣ,
 Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ;
 Вездѣ щиты, гербы, короны;
 Въ тщеславномъ тлѣніи кругомъ
 Почіютъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны....

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рѣшмы въ эту поэтическую ми-
 нуту, если бы твой прадѣдъ, коего гробъ попался подъ руку студента,
 вздумалъ за себя вступиться, ухватя его за воротъ, или погрозивъ ему
 костянымъ кулакомъ, или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудоволь-
 ствие; къ несчастію, похищеніе совершилось благополучно. Студентъ
 по частямъ разобралъ всего барона, и набилъ карманы костями его.

(*) Въ изданіи сочиненій Пушкина вмѣсто *сонмъ* напечатано *сонъ*.

Прим. авт.

Возвратясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ проволокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ скелетъ очень порядочный. Но вскорѣ молва о перенесеніи бароновыхъ костей изъ погреба въ трактирный чуланъ разнеслась по городу. Преступный кистеръ лишился мѣста, а студентъ принужденъ былъ бѣжать изъ Риги, и какъ обстоятельства не позволяли ему брать съ собою *будущаго*, то, разобравъ опять барона, раздарилъ онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высокородныхъ костей досталась аптекарю. Мой пріятель В. получилъ въ подарокъ черепъ, и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ его исторію, и, зная сколько я тебя люблю, уступилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которыми обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д*: онъ
Принадлежитъ тебѣ по праву.
Обдѣлай ты его, баронъ,
Въ благопристойную оправу.
Издѣлье гроба преврати
Въ увеселительную чашу,
Виномъ кипящимъ освяти,
Да запивай уху да нашу.
Пѣвцу Корсара подражай (*),
И Скандинавовъ рай воинской
Въ пирахъ домашнихъ воскрешай;
Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
Надъ нимъ задумчиво мечтай (**):
О жизни мертвыхъ проповѣдникъ,
Виномъ ли полный или пустой,
Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
Онъ стоитъ головы живой.»

Отъ этого воинственнаго барона, неотъемлемую собственность котораго составлялъ воспѣтый черепъ, происходилъ, въ болѣе или

(*) У Байрова была чаша, сдѣланная изъ черепа. На ней было вырѣзано стихотвореніе, написанное Байровомъ въ 1808 году, которое, безъ сомнѣнія, Пушкинъ имѣлъ въ виду, сочиняя приведенное посланіе. При этомъ кстати вспомнимъ и о Юнгѣ, получившемъ отъ кого-то въ подарокъ черепъ, обращенный въ подвѣщникъ, который служилъ бы ему при сочиненіи его «Ночей».

Прим. авт.

(**) У Баратынскаго есть превосходное стихотвореніе «Черепъ», напечатанное въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» 1825 года, на стр. 282, съ подписью Е. Б. Въ изданіи стихотвореній Баратынскаго 1835 года, оно перепечатано въ первой части на стр. 186, и послѣднія восемь строкъ замѣнены тремя новыми четырехстрочными строфами. *Сто-Одинъ* въ статьѣ о Баратынскомъ (въ Отечественныхъ Запискахъ) объясняетъ слѣдующимъ образомъ, и совершенно основательно, подмѣченное Пушкинымъ сходство Баратынскаго съ Гамлетомъ: «Въ обоихъ — энергія жизни, восторженность, страсти, желанія умерщвлены тѣмъ анализомъ, который, послѣднимъ своимъ заключеніемъ, приходитъ къ развалинамъ; въ обоихъ скорбь питается мыслію, и эта скорбь въ обоихъ одинаковаго свойства: тихая, созная свое начало, невидящая себѣ конца.»

Прим. авт.

менѣе прямой линіи, и нашъ миролюбивый поэтъ. Не касаясь его дальнѣйшей родословной, скажемъ только, что отецъ его былъ долго плацъ-майоромъ въ Москвѣ, а впоследствии бригаднымъ генераломъ въ Ригѣ, потомъ бригаднымъ же генераломъ въ Кременчугѣ и начальникомъ округа внутренней стражи въ Витебскѣ. Онъ скончался въ двадцатыхъ годахъ. Мать нашего поэта была урожденная Красильникова (1).

Въ младенствѣ Дельвигъ былъ непрерывно боленъ и началъ говорить очень поздно, ума былъ не живого и вообще медленно развивался (2). Воображеніе было развито у него несоразмѣрно, насчетъ другихъ умственныхъ способностей. По свидѣтельству Пушкина (3), «будучи еще пяти лѣтъ отъ роду, вздумалъ онъ разсказывать о какомъ-то чудесномъ видѣніи и смутилъ имъ всю свою семью.» Первоначальное образованіе онъ получилъ въ частномъ пансіонѣ въ Москвѣ (4). Въ 1811 году Дельвигъ былъ привезенъ въ Петербургъ для помѣщенія въ Царскосельскій Лицей, который тогда только что учреждался, съ цѣлю образованія юношества, «особенно предназначеннаго къ важнымъ частямъ службы государственной» (5). Дельвигъ подвергался вступительному испытанію 12 августа, въ одинъ день съ Пушкинымъ, который также пріѣхалъ изъ Москвы. Одинаковыя обстоятельства сблизили будущихъ поэтовъ, и дружба ихъ началась едва ли не съ этой встрѣчи. На испытаніи оба поэта, и особенно Дельвигъ, не блеснули своими познаніями, какъ свидѣлствуютъ полученные ими отмѣтки. «Хорошо» Дельвигъ былъ аттестованъ только въ «грамматическомъ познаніи російскаго языка», въ «познаніи общихъ свойствъ тѣлъ» и въ «начальныхъ основаніяхъ исторіи и географіи.» Изъ французскаго языка онъ выдержалъ испытаніе «преслабо», нѣмецкаго «не зналъ» совершенно, а ариметику только «зналъ до тройнаго правила.» Всѣхъ подвергавшихся вступительному испытанію было 38; но въ Лицей поступило только 30, и въ томъ числѣ Дельвигъ (6).

19 октября 1811 года происходило торжественное открытіе Лицея. По утру въ придворной церкви совершена была литургія, въ

(1) Пушкинъ написалъ, что отецъ Дельвига «былъ женатъ на дѣвицѣ Рахмановой» (Сочин. Пушкина, т. XI, стр. 57); но это ошибка: одна изъ сестеръ матери Дельвига была за Рахмановымъ. Свѣдѣніе это сообщено двоюроднымъ братомъ поэта, барономъ А. И. Дельвигомъ.

(2) Сообщено барономъ А. И. Дельвигомъ.

(3) Сочиненія Пушкина, т. XI, стр. 58.

(4) Сообщено двоюроднымъ братомъ поэта. Соч. Пушкина, т. XI, стр. 57.

(5) Постановленіе о Лицѣе, Высочайше утвержденное 19 августа 1810 г., § 1. Постановленіе это напечатано въ «Періодическомъ сочиненіи о успехахъ народнаго просвѣщенія», № XXVIII, 1810 г., стр. 477.

(6) Извлечено изъ бумагъ Конференціи Лицея.

присутствіи Государя Императора, Государынь Императрицъ Маріи Феодоровны и Елисаветы Алексѣевны, Государя Цесаревича Константина Павловича и Государыни Великой Княжны Анны Павловны, въ собраніи первыхъ чиновъ Двора, министровъ, членовъ Государственнаго Совѣта и другихъ знатныхъ особъ. При открытіи также находились директоръ Лицея А. О. Малиновскій съ воспитанниками, профессора, учителя и прочіе чиновники заведения. Послѣ обѣдни духовенство, въ предшествіи придворныхъ пѣвчихъ, отправилось изъ церкви для освященія зданія Лицея, въ сопровожденіи Императорской фамилии и всего собранія. По окончаніи освященія прочтены были нѣкоторые мѣста изъ Высочайше пожалованной Лицею грамоты. Потомъ директоръ Лицея, принявъ эту грамоту, для оставленія навсегда въ Лицеѣ, отъ министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго, непосредственному вѣдѣнію котораго было ввѣрено это заведеніе ⁽¹⁾, произнесъ краткую и приличную случаю рѣчь ⁽²⁾, по окончаніи которой секретарь Конференціи Кошанскій прочелъ списокъ ученымъ и гражданскимъ чиновникамъ, поступившимъ въ Лицей, и списокъ принятымъ по экзамену воспитанниковъ. По прочтеніи списковъ адъюнктъ-профессоръ нравственныхъ наукъ Куницынъ сказалъ воспитанникамъ наставленіе о цѣли и пользѣ ихъ воспитанія ⁽³⁾. Пушкинъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ и неконченныхъ стихотвореній (Лицейская годовщина), вспоминаетъ, по истеченіи двадцати-пяти лѣтъ, объ этой рѣчи Куницына:

«Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ Царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ —
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей.» ⁽⁴⁾

По окончаніи чтенія Государь Александръ Павловичъ осматривалъ помѣщеніе воспитанниковъ и удостоилъ своего присутствія ихъ обѣденный столъ. Вечеромъ зданіе Лицея было великолѣпно иллюминировано ⁽⁵⁾.

⁽¹⁾ Высочайшій рескриптъ на имя министра народнаго просвѣщенія, 19 августа 1810. («Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», № XXVIII, 1810 г., стр. 476.)

⁽²⁾ Рѣчь эта напечатана въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1812 г., № XXXII, стр. 332.

⁽³⁾ Наставленіе это напечатано тамъ же, стр. 334. Кромѣ того объ рѣчи были напечатаны отдѣльно въ числѣ 300 экземпляровъ, которые розданы были посѣтителямъ въ день открытія Лицея и разсланы были въ академіи, университеты, Педагогическій Институтъ и гимназіи.

⁽⁴⁾ Сочиненія А. Пушкина, т. IX, стр. 236.

⁽⁵⁾ Подробности эти заимствованы изъ бумагъ Конференціи Лицея. Кромѣ того описаніе открытія Лицея напечатано въ «Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», 1812 г., № XXXII, стр. 308, и въ вѣдомостяхъ обихъ столицъ. Въ послѣднихъ находится и описаніе иллюминаціи.

Преподаваніе въ Лицеѣ началось съ 23 октября, въ понедѣльникъ ⁽¹⁾. Свѣдѣнія о степени первыхъ успѣховъ и способностей Дельвига встрѣчаемъ въ сочиненіяхъ Пушкина, рассказъ котораго приводимъ въ точности: «Способности его развивались медленно. Память у него была тупа; понятія лѣнны. На четырнадцатомъ году онъ не зналъ никакого иностраннаго языка, и не оказывалъ склонности ни къ какой наукѣ. Въ немъ замѣтна была только живость воображенія. Однажды вздумалось ему рассказать нѣсколькимъ изъ своихъ товарищей походъ 1807 года, выдавая себя за очевидца тогдашнихъ происшествій. Его повѣствованіе было такъ живо и правдоподобно, и такъ сильно подѣйствовало на воображеніе молодыхъ слушателей, что нѣсколько дней около него собирався кружокъ любопытныхъ, требовавшихъ новыхъ подробностей о походѣ. Слухъ о томъ дошелъ до нашего директора А. О. Малиновскаго, который захотѣлъ услышать отъ самаго Дельвига рассказъ о его приключеніяхъ. Дельвигъ постыдился признаться во лжи столь же невинной, какъ и замысловатой, и рѣшился ее поддержать, что и сдѣлалъ съ удивительнымъ успѣхомъ, такъ что никто изъ насъ не сомнѣвался въ истинѣ его рассказовъ, покамѣстъ онъ самъ не признался въ своемъ вымыслѣ... Въ дѣтяхъ, одаренныхъ игристой умомъ, склонность ко лжи не мѣшаетъ искренности и прямоты. Дельвигъ, рассказывающій о таинственныхъ своихъ видѣніяхъ и о мнимыхъ опасностяхъ, которымъ будто бы подвергался въ обозѣ отца своего, никогда не лгалъ въ оправданіе какой нибудь вины, для избѣжанія выговора или наказанія.» ⁽²⁾

12 декабря 1811 года, по случаю празднованія дня рожденія Государя, когда воспитанники, отслушавъ обѣдню и благодарственное молебствіе, возвратились въ залъ Лицея, то, «для приученія ихъ къ справедливости и безпристрастному сужденію другъ о другѣ», было позволено имъ самимъ избрать отличившихъ въ ученіи и поведеніи, и когда выборъ ихъ, по соображенію директора, профессоръ и надзирателя нравственной части, былъ одобренъ, то имена отличившихся написаны были золотыми буквами на бѣлой доскѣ и выставлены въ залѣ Лицея. Отличившихся воспитанниковъ было тринадцать (почти половина курса); но въ числѣ ихъ не было ни Дельвига, ни Пушкина. Въ вечеру того же дня въ Лицеѣ былъ дѣтскій балъ, и домъ Лицея былъ иллюминированъ ⁽³⁾.

⁽¹⁾ Изъ бумагъ Конференціи Лицея.

⁽²⁾ Сочиненія А. Пушкина, т. XI, стр. 57.

⁽³⁾ Заимствовано изъ бумагъ Конференціи Лицея. Извѣстіе объ этомъ праздникѣ напечатано было въ «Сѣверной Почтѣ.» Черезъ нѣсколько дней, по приказанію министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго, доска, на ко-

